



DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-4-588-596

УДК 821.161.1

СПАЦИАЛИЗАЦИЯ И ОВЕЩЕСТВЛЕНИЕ СЛОВ В ПОЭТИКЕ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА

Е.В. Меркель

Технический института (филиал) Северо-Восточного федерального университета
им. М.К. Аммосова
ул. Кравченко 16, Нерюнгри, Республика Саха (Якутия), 678960

В статье рассмотрено становление и развитие онтопоэтических идей и связанных с ними художественных приемов в творчестве Н.С. Гумилева. Показано, что слово в творчестве поэта отождествляется с огнем, специализируется в маринистских образах, в поздних сборниках связывается с образом металла. Образы, связанные со словом, становятся вещественными и соматичными, приобретая акмеистическую природу.

Концепция магического акмеизма приводит к онтологическому пониманию логоса как бытия, и слово прямо и эксплицитно отождествляется с живыми и вещественными сущностями, что позволяет связать глубинные принципы творчества Гумилева с синкретическими принципами мифологии как праискусства.

Ключевые слова: Гумилев, слово, словесное творчество, специализация, овеществление, образ

Уже в первых доакмеистических стихах Гумилева звучит мысль о том, что слово и словесное искусство в частности обладает особой значимостью и силой. Его возможности если не безграничны, то, по крайней мере, огромны. Отсюда и пафос преобразования мира посредством слова. Эти идеи, безусловно, были навеяны теургическими мотивами, популярными у символистов, а Гумилев, как известно, вышел из лона этого течения, усвоив, особенно в раннем своем творчестве, многие символистские постулаты. В качестве программного тезиса могут быть восприняты следующие слова из стихотворения «Я конквистадор в панцире железном...»: «И если нет полдневных слов звездам, / Тогда я сам мечту свою создам / И песней битв любовно зачарую» [1]. Похожее представление можем найти и в других произведениях этого периода: «Ты красиво-звонкими стихами / Пробуждаешь юную зарю» («Каракалла») [1]. Правда, здесь речь уже идет не просто об «очаровании», но о прямом теургическом действе, способном видоизменять мир, повелевать его субстанциями.

Такая повышенная аксиологичность слова, его могущество не могли не сказаться на его образном «претворении»: движитель стихий сам оказывается заключен в их вещество и формы. Поэтому большое количество образов в ранней лирике Гумилева связано со специализацией и овеществлением слова и близких типологически категорий. В некоторых примерах такая связь только намечена: «Он ловит быстрые слова...» («Дева Солнца») [1]. Здесь, возможно, просто мета-

форическая условность, которая придает лексике некоторую спациональность или вещественность. Похожая соотнесенность — только с влагой (точнее: алкогольным напитком) — наблюдается в следующем примере: «*Непонятными словами / Опьяняя наши чувства*» («Сада-Якко») [1].

В плане овеществления наиболее частотны соотнесения слова и огня. Таких примеров в ранней лирике Гумилева множество: при едином морфологическом стержне они выявляют различные нюансы указанного отождествления. Например, огненная сущность слов может быть укоренена в ментальной сфере — именно в сознании героини они отзываются пламенем: «*В ее душе зажглись слова / Имят огненные строки*», «*И душу те слова зажгли*» («Едва трепещет тишина...») [1]. С семантикой пламени связаны и душевные устремления в будущее: «*эта песня жгла мечты*» («Рассказ девушки») [1].

Отдельный блок внутри поэтической системы Гумилева представляют образы, связанные с природной спационализацией слов, причем здесь также наблюдается смешение лексической и, условно говоря, «пирологической» семантик: «*Его голос был песней огня и земли*» («Мрачный всадник примчался на черном коне...») [1]; «*И осень та была полна / Словами жгучего напева*» («Осенняя песня») [1]. Подобные соотнесения могут быть установлены и в отношении солнца (как очевидно-го общекультурного репрезентанта огня):

*Однажды солнце догорало
И тихо теплились лучи,
Как песни вышнего хорала...
«Дева солнца» [1].*

Спационализация может касаться и водных образов: «в речи гул морских валов» («Дева солнца») [1]. Мы привыкли к тому, что шум волн связывается с речью, такие примеры есть в том числе и у Гумилева, о чем мы говорили /говорилось/ в предыдущей главе. Здесь же — обратное соотнесение: речь «расширяется» до масштабов водной стихии. Подобные «расширительные» образы относительно частотны в ранней гумилевской лирике: «*Их давит власть бездонных слов*» («Пророки») [1], «*Но дальше песня меня уносит, / Я всей вселенной увижу звенья...*» («На мотивы Грига») [1]. В последнем случае словесное искусство оказывается не только тем пространством, в котором происходит движение лирического героя, но и медиатором между человеком и вселенной.

Иногда спационализация слова является тем операционным приемом, который разворачивает соотнесение двух категорий в разветвленный лексико-маринический образ:

*Неутомимо плыть ручьями строк,
В проливы глав вступать нетерпеливо
И наблюдать, как пенится поток,
И слушать гул идущего прилива!
«Читатель книг» [1].*

Художественная строка здесь эксплицитно соотносится с ручьем, главы — с проливами, надо полагать, что море или океан в представлениях поэта — это кни-

га. Такое соотнесение показательно: по Гумилеву, путешествие в дальние края может состояться не только в их пространственном измерении, но и с помощью литературных произведений. Причем этот тезис отражается и в субъектной сфере, где движение духа и телесное перемещение во многом созвучны — через образы героев: «В своих произведениях Гумилев сближал образы поэта (“заклинателя стихий”, мага, “воина Слова”) и странника, путешественника, географа» [6. С. 16].

Иногда субстанциональность слова выражается в соотнесении с некоторыми предметами. Такие случаи не очень частотны, зато они показывают «амплитуду» образных сцепок между словом и вещественными категориями. Так, в стихотворении «С тобой я буду до зари...» произведение словесного искусства сравнивается с драгоценностью: «И заключу в короткий стих, / В оправу звонких слов». Лексика может метафорически соединяться и с инструментом для клеймения: «преданы клеймящему злословью» («Любовники»).

Нередко Гумилев в своих стихах дает голос каким-то природным явлениям, субстанциям. Такое наделение даром слова имеет антропоморфное значение, являясь одним из способов одушевления природы: «*песнь прозрачно-звонких струй / Казалась тихой и усталой...*» («Осенняя песня») [1]; «*Холодный ветер, седая сага / Так властно смотрят из звонкой песни...*» («На мотивы Грига») [1]; «*Звезды говорили с жемчугами*» («Ягуар») [1]; «*И белый мрамор говорил*» («В лесу, где часто по кустам...») [1]. Оживать и получать голос могут и природные субстанции, запечатленные в артефактах:

*Группы бабочек и лилий
На шелку зеленоватом,
Как живые, говорили...
«Сада-Якко» [1].*

Вещи (в данном случае — книги) также обладают голосом: «*Покорны и тихи, хранят ему книги / Напевы поэтов и тайны религий*» («Сон Адама») [1] и даже ртом:

*Только книги в восемь рядов,
Молчаливые, грузные томы,
Сторожат вековые истома,
Словно зубы в восемь рядов.
«У меня не живут цветы...» [1].*

Иногда одушевленными оказываются само словесное произведение, голос:

*И дико промчалась по залам моим
Гармония песни больной...
«Песня о певце и короле» [1].*

*Голос тягостной печали,
Песней горя и земли,
Прозвучал в высоком зале,
Где стояли короли.
«Голос тягостной печали...» [1].*

В стихотворении «Думы» песни названы «вечными скитальцами» [1], а значит, выступая актантами, приобретают субъектный статус.

Зачатки логосной концепции встречаются в стихотворении «Правый путь» (1908) [1], где указывается, что слово, подобно человеку, «рождается в муках» (обратим внимание и на прозрачную библейскую аллюзию, связанную с проклятием Евы — после грехопадения). В этом же произведении Гумилев говорит о том, что слово «тихо проходит по жизни», что также связано с антропоморфными коннотациями.

В сборниках «Чужое небо» и «Колчан» словесные образы по-прежнему вещественны и соматичны, однако здесь меняется их эстетическая подоснова: поэтика Гумилева все активнее перестраивается на акмеистический лад. Кроме того, усложняется и образность, связанная с логосными мотивами, например:

*Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая от слов,
Живет в таинственном мерцаньи
Ее расширенных зрачков.
«Она» [1].*

Обратим внимание на этот развернутый образ, связанный с лексической семантикой: усталость от слов живет в мерцаньи зрачков, т.е. между телесным и словесным устанавливается целая система метафорических посредников. «Главная функция такого слова — “разыгрывание” реальности посредством пластических образов, — отмечает П.В. Паздников, — как в диахронической ретроспективе посредством уподобления культурно-исторических событий, ситуаций, поведенческих моделей» [5. С. 15].

В этот период у Гумилева представления о могуществе слова и его богатой сюжетной «потенциальности» приобретают отчетливые библейские коннотации:

*И Заклинающий проказу,
Сказавший деве — талифа!..
... Ему дороже нищий Лазарь
Великоленного волхва.
«Счастье» [1].*

В этом четверостишии представлено сразу четыре библейских сюжета, три из которых связаны с чудотворениями посредством слова. Речь идет о воскрешении Христом умершей девицы («талифакуми»), воскрешении «Лазаря четверодневого», а также избавлении десяти прокаженных от недуга.

Сила слова может также «материализоваться» через утоление чувства голода, то есть функционально выступать в роли хлеба (здесь, конечно, имплицитная отсылка к высказыванию Христа во время Его искушения сатаной: «Не хлебом единым жив человек»):

*Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.
«Наступление» [1].*

С евангельским словом корреспондирует и слово поэтическое: именно ему, как связанному с духовидчеством и визионерством, также дано заклинать стихии: «Слова ... грозней громов» («Ода д`Аннуцио») [1]. В том же стихотворении логос обращивается вещественной субстанцией — металлом:

*Был Августов высокий век,
И золотые строки были:
Спокойней величавых рек
С ней разговаривал Вергилий [1].*

Это не единственное подобное соотнесение в рассматриваемых сборниках. Метафорическая «сцепка» слова и металла появляется во многих произведениях этого периода. Ранее уже рассматривалось это соотнесение творческого и вещественного начал на примере стихотворения «Искусство», здесь же укажем лишь на один аспект такой корреляции: в данном тексте стих назван «надменным» (антропоморфизм), при этом он «властительней, чем медь» (овеществление).

В «Чужом небе» и «Колчане» несколько раз словесное искусство связывается с медью. Так, в стихотворении «Она» по отношению к героине указывается, что «Ее душа открыта жадно / Лишь медной музыке стиха...» [1], а в произведении «Памяти Анненского» отмечается, что в его стихах «плакала какая-то обида, / Звенела медь и шла гроза» [1]. Здесь, видно, через семантику словесного объединяется ментальное (обида), вещественное (медь) и метеорологическое (гроза).

Такой выход на стихии показателен, так как и в ряде других произведений этого периода наблюдается похожая специализация лексического: «Но тогда нам сверкнули все слова, все истома, / Как кочевницы звезды, что восходят раз в год» («Однажды вечером») [1]. Пространственность стихов, их почти физическая обширность скрыта и в образах стихотворения «Словно ветер страны счастливой...»:

*Зов один от края до края,
Шире, все шире и чудесней,
Угадали ли вы, дорогая,
В этой бессвязной и бедной песне? [1]*

На стыке словесного и вещественного могут возникать параллельные «сцепки» различных субстанциональных категорий. Так, при посредничестве слова коррелируют природное и телесное в стихотворении «Об Адонисе с лунной красотой...»:

*Правдива смерть, а жизнь бормочет ложь.
И ты, о нежная, чье имя — пенье,
Чье тело — музыка, и ты идешь
На беспощадное исчезновенье.*

*Но, мне, увы, неведомы слова —
Землетрясенья, громы, водопады,
Чтоб и по смерти ты была жива,
Как юноши и девушки Эллады [1].*

Акцентируем внимание на том, что во втором четверостишии слова не просто метафорически сопоставляются или связываются через сравнения с землетрясенья-

ми, громами, водопадами, но оказываются им единственными. Для текстов Гумилева вообще характерно наличие системного взаимодействия — вплоть до отождествления — различных мотивов в поэтике Гумилева, в том числе и невещественных с вещественными. Здесь же перед нами своеобразный семантический «многоугольник»: в одном развернутом образе коррелируют звук (пенье, музыка, громы), стихии (землетрясения, водопады), тело (тело — музыка) и слово (которое, кстати, присутствует и в пении). Все это указывает на системный изоморфизм различных — как субстанциональных, так и ментальных — категорий в поэтике Гумилева.

Изоэпические сопоставления, связанные с соматической семантикой, находим и в стихотворении «Жестокой»: «*Пред ней <любовью мужчины. — Е.М.> душа, волнуясь и слабея, / Как красный куст горит и говорит*» [1]. Здесь душа (ментальное) не только связывается с горящим кустом, но и обретает — через его «огненный голос» — способность к речи. Разумеется, перед нами аллюзия на известный библейский сюжет, связанный с откровением, бывшим Моисею перед тем, как он должен был отправиться к фараону: «И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает. Моисей сказал: пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает. Господь увидел, что он идет смотреть, и воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: Моисей! Моисей!» [2].

Морфологически сходный образ находим в стихотворении «Влюбленные, чья грусть, как облака...»: «*Пускай вдали пылает лживый храм, / Где я теням молился и словам...*» [1]. Здесь сакральный огонь также коррелирует со словом, правда, пламенная стихия оказывается тем очищающим началом, которое поглощает профанные слова; обратим внимание на сочетаемость лексем: храм назван «лживым», что в большей степени должно относиться к словам, а не сооружению.

В рассматриваемых сборниках присутствует и ряд природно-словесных образов, например: «*земля говорит, поет*» («Снова море»), «*речи сумрачных морей*» («Ангел-хранитель») [1].

В поздних сборниках, в контексте «магического акмеизма», слово полноправно обретает логосные черты, становясь чуть ли не самой могущественной «субстанцией» в поэтике Гумилева. Его всесильность отражается в ряде формул, где логос уже не просто преобразует, а бытийствует, инспирирует происходящее в этом мире:

*Моим рожденные словом,
Гиганты пили вино...
«Творчество»* [1].

*...колдовской ребенок,
Словом останавливавший дождь...
«Память»* [1].

То есть мы видим, что онтологический пафос, связанный со словом как вместилищем трансгredientных энергий, выходит на качественно новый уровень,

преображаясь согласно динамике гумилевской поэтической системы: «Если в ранних рецензиях Н. Гумилева ключевым фактором оценки поэзии была возможность гипнотизировать, завораживать читателя, то теперь превалирует стремление “вернуть слову ту крепость и свежесть, которая утеряна им от долгого употребления”» [5. С. 14].

По-прежнему в этой логосной семантике большую роль играет книга, причем она уже не просто — репрезентант словесного, но и — полноценный универсум. Вселенная как книга — один из ярких и самых семантически насыщенных образов позднего Гумилева: «*Сонно перелистывает лето / Синие страницы ясных дней...*» («И совсем не в мире мы, а где-то...») [1]. Кроме того, книга — антропоморфный субъект, способный говорить: «*книга скажет, что любовь одна*» («Роза») [1].

Соединения слова и пространств жестче обуславливается библейскими аллюзиями. Так, в стихотворении «*Душа и тело*» слово — уже не просто высказывание Бога, но божественно-креативистское начало, созидающее вселенную: «*Когда же слово Бога с высоты / Большой Медведицею заблестело...*» [1]. Такой подход обусловлен процессами, происходящими в акмеизме на переломе эпох, когда «поэтическое творчество, да и творчество в целом, представлено как процесс онтологического постижения действительности в слове, где Божественный Логос является прообразом искусства слова» [3. С. 3].

Вселенная оказывается пронизана словесными энергиями, причем, как это у Гумилева было и раньше, божественный логос неразрывно связан с поэтическим словом: «*В каждом шуме слышал звоны лир*» («Память») [1]. Сама природа несет в себе созидающее, семантическое начало, которое подвластно только особым людям, в данном случае — недвусмысленно указывается, что эти избранные — поэты.

У позднего Гумилева зооморфизм уже не компаративный, не связанный с метафорическими условностями. Поэт прямо и ясно говорит о тождественности слов и живого (в данном случае — зверей):

*Звери дикие — слова мои,
Шерсть на них, клыки у них, рога.
«Подражание персидскому» [1].*

При этом слово в поздних стихах Гумилева все-таки амбивалентно. Оно может иметь величие, особую силу, даже бессмертие: например, «*бессмертные стихи*» упоминаются в «Шестом чувстве» [1]. Однако при этом он констатирует, что «*дурно пахнут мертвые слова*» («Слово») [1]: «Мысль поэта внутренне антиномична. С одной стороны, здесь говорится о высшей аксиологической значимости слова среди “земных тревог”, но с другой стороны, о том, что современные люди забыли о его божественной природе» [4. С. 37]. Перед нами слово живое и слово мертвое, сакральное и профанное, но и то, и то — плотны, осязаемы, телесны.

Таким образом, на примере творчества Гумилева автор видит заимствование из мифологии ряда позиций в субъектной и поэтологической сферах. Пожалуй, самый характерный маркер мифологического присутствия здесь — олицетворе-

ние, причем не единичное, как эстетический, сугубо литературный прием, а глупинно связанное с реликтовыми структурами праискусства эпохи первобытного нерасчленения — синкретизма. В те времена любой объект действительности был включен в субъектную сферу за счет особого приема «неразличения» живых и неживых существ, а также одушевления всевозможных предметов, стихий и др. отметим, что подобные тенденции появляются в творчестве большинства акмеистов, но Гумилев был здесь первым, кто так явно и многоаспектно связал слово с соматической и спациональной семантикой, от сборника к сборнику усложняя принципы корреляций между этими мотивами и постепенно вводя их в сферу абсолютных категорий, являющихся миромоделирующей основой поэтики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Гумилев Н.С.* Электронное собрание сочинений // [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/verses/> (дата обращения: 27.08.2017).
- [2] Исход 3:2 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.godrules.net/para7/exo/paragusexo3-2.htm> (дата обращения: 27.08.2017).
- [3] *Капитонова Н.А.* Поэтическая теодицея Николая Гумилева в контексте культуры Серебряного века: автореф. дисс. ... канд. культурологии. Киров, 2007. 20 с.
- [4] *Кихней Л.Г.* Акмеизм: миропонимание и поэтика. М.: МАКС-Пресс, 2001. 183 с.
- [5] *Паздников П.В.* Мифопоэтическая концепция слова и творчества в поэзии Н. Гумилева: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2003. 24 с.
- [6] *Раскина Е.Ю.* Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 43 с.

© Меркель Е.В., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 сентября 2017

Дата принятия к печати: 28 сентября 2017

Для цитирования:

Меркель Е.В. Специализация и овеществление слов в поэтике Николая Гумилева // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 4. С. 588—596. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-4-588-596

Сведения об авторе:

Меркель Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор Технического института (филиал) Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова в г. Нерюнгри. Контактная информация: e-mail: merkel-e@yandex.ru

SPACIALIZATION AND EMBODIMENT OF WORDS IN THE POETICS BY NIKOLAY GUMILEV

E.V. Merkel

Technical institute (Branch) of North-Eastern Federal University
ул. Кравченко 16, Нерюнгри, Республика Саха (Якутия), 678960

The article is devoted to the foundation and development of the onthopetic ideas and the fiction methods communicated with them in Nikolay Gumilev's poems. The article shows that the poet identifies a word with a fire, spacializes it in the marine images, in later poems connects it with an image of metal. The images communicated with a word become things and somatic and have the akmeistic nature.

The conception of the magic akmeism leads to the onthologic understanding of a word as a being and a word is explicitly identified with the alive and thing beings which allows to take the profound principles of Gumilev's poetry with the sincrcetic principles of a mythology as a praart.

Key words: Gumilev, word, word creation, spacialization, embodiment, image

REFERENCES

- [1] Gumilev N.S. Elektronnoe sobranie sochineniy [*The digital collected works*]. The electronic source [Regime of access]: <https://gumilev.ru/verses/> (date of address: 27.08.2017).
- [2] Iskhod 3:2 [*The Exodus*]. The electronic source [Regime of access]: <http://www.godrules.net/para7/exo/pararusexo3-2.htm> (date of address: 27.08.2017).
- [3] Kapitonova N.A. Poeticheskaya teoditseiya Nikolaya Gumileva v kontekste kultury Serebryanogo veka [*The poetic theodicy by Nikolay Gumilev in the context of the culture of the Silver Century*]. Avtoref. diss. ... kand. kult. nauk [*The autoabstract of PhD paper*]. Kirov, 2007. 20 p.
- [4] Kikhney L.G. Akmeizm: Miroponimanie i poetika [*Akemism: The understanding of the world and poetics*]. M.: MAKS-Press, 2001. 183 p.
- [5] Pazdnikov P.V. Mifopoeticheskaya kontseptsiya slova i tvorchestva v poezii N. Gumileva [*The mifopoetic conception of word and creation in the poetry by Nikolai Gumilev*]. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [*The autoabstract of PhD paper*]. M., 2008. 43 p.
- [6] Raskina E.Yu. Geosofskie aspekty tvorchestva N.S. Gumileva [*The geosofic aspects of Nikolai Gumilev's legacy*]. Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk [*The autoabstract of PhD paper*]. M., 2008. 43 p.

Article history:

Received: 2 September 2017

Revised: 22 September 2017

Accepted: 28 September 2017

For citation:

Merkel E.V. (2017). Spacialization and embodiment of words in poetics of Nikolai Gumilev. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22 (4), 588—596. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-4-588-596

Bio Note:

Merkel Elena Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor at the Department of Philology, Technical institute (Branch) of North-Eastern Federal University. *Contacts:* e-mail: merkel-e@yandex.ru